

Объединительный (структурно-конструктивистский) подход в тендерных исследованиях⁸

(Е. Здравомыслова, А. Темкина)

В статье представлены основные положения объединительной парадигмы в гендерных исследованиях. Сначала дается краткий обзор структурно-функционального и социально-конструктивистского подходов в гендерных исследованиях. Затем рассматривается критический синтез данных подходов в социальной теории и определяются основные понятия, используемые для анализа гендерных отношений в рамках объединительной (структурно-конструктивистской) парадигмы.

Структурный конструктивизм в гендерных исследованиях как критика предшествующих подходов

Объединительная парадигма в социальных науках стремится преодолеть дихотомию объективистских (структурно-функционалистских) и субъективистских (социально-конструктивистских) концепций. Рассмотрим кратко, как применялись данные теории в гендерных исследованиях.

Структурный функционализм выступил в качестве влиятельной парадигмы, которая породила различные социологи-

⁸ Ранние версии этого текста опубликованы в «Социологии гендерных отношений. Учебное пособие для студентов вузов» (под ред. З. М. Саралиевой. М.: РОССПЭН, 2004. С. 80-98) и в «Гендерных отношениях в современной России: исследования 1990-х годов» (под ред. Л. Попковой, И. Тартаковской. Самара: Изд-во «Самарский ун-т», 2003. С. 10-22).

ческие интерпретации гендерных отношений. В 1940—1950-х годах американский социолог Т. Парсонс сформулировал положение о функциональности разделения половых ролей, легшее в основу поло-ролевого подхода к анализу гендерных отношений. Согласно данному подходу, семья среднего класса в индустриальном обществе образует социальную систему, в которой женщина выполняет экспрессивную роль, а мужчина — инструментальную. Экспрессивная роль заключается в установлении внутреннего баланса в семье — это роль домохозяйки; суть инструментальной роли состоит в регуляции отношений между семьей и другими социальными системами — это роль кормильца, добытчика (Parsons, Bales 1955). Эти положения впоследствии подверглись критике со стороны феминистских исследователей (см.: Воронина 2001).

Основные аргументы критиков заключались в следующем. Во-первых, данная модель носит нормативный характер. Образцы семейных отношений, свойственных представителям среднего класса западных индустриальных обществ, признаются единой для всех социальной нормой. Во-вторых, при таком описании игнорируются отношения власти и неравенства по признаку пола, при которых женщины, как правило, подчиняются мужчинам, являясь экономически и юридически зависимыми. В-третьих, поло-ролевой подход не может объяснить сопротивление сложившемуся тендерному порядку и его возможные изменения, несмотря на развитие новых тенденций организации индивидуальной и семейной жизни. В-четвертых, в данной модели проявляется принцип «натурализации» отношений между полами, т. е. мужские и женские роли обосновываются природными естественными половыми различиями (см.: Коннелл 2000). Поло-ролевой подход получил широкое распространение в социальных и гуманитарных науках и позволил применить понятия половых различий, социализации, ролей и статусов к интерпретации положения женщин и мужчин в обществе. В рамках этого подхода изучалось не только исполнение половых ролей, но также ролевые конфликты и кризисные тенденции в современной семье.

Поло-ролевой подход оказал влияние на последующую интерпретацию гендерных отношений. Он предполагает, что общество рассматривается как система интегрированных, взаимосвязанных частей, каждая из которых выполняет функцию,

необходимую для стабильного существования целого. Система социальных институтов, организованных вокруг социальных функций, регулирует социальные действия и отношения. Эти положения оказали двойственное воздействие на интерпретацию тендерных отношений. С одной стороны, анализ социальных институтов, регулирующих отношения между полами, повлиял на разработку понятия «тендерная система». С другой стороны, критики поставили под сомнение жесткую структурную (институциональную) детерминацию половых ролей. Впоследствии тендерный порядок стал рассматриваться как совокупность стратегий мужчин и женщин, действующих в рамках объективно заданных возможностей и ограничений.

Определим понятие «гендерная система». С 1970-х годов феминистские исследователи на Западе используют понятие «(поло)/гендерная система», под которым понимается набор механизмов, посредством которых общество преобразует биологический «материал» половой жизни и воспроизводства человека в конвенциональные формы социального взаимодействия (Рубин 2000). Американская исследовательница-антрополог Г. Рубин, анализируя поло-гендерную систему, опирается на структурализм французского лингвиста и антрополога К. Леви-Стросса, на марксистский и психоаналитический подходы. Марксизм, заново прочитанный феминистскими теоретиками, позволяет связать поло-гендерную систему с историческим процессом и отношениями собственности⁹. Психоанализ позволяет распознать структуры бессознательного, воспроизводящие иерархию отношений между полами в рамках социальных институтов.

Тендерные системы являются устойчивыми. Их стабильность обеспечивается традициями, юридическими и экономическими механизмами, идеологиями и существующими практиками. Изучая тендерные системы, исследователи анали-

⁹ Дальнейшую интерпретацию эта связь получила в теории «двойного системного угнетения женщин», разработанной американской феминистской исследовательницей Х. Хартманн. Она приходит к выводу, что женщины в современном капиталистическом обществе находятся под двойным гнетом, или под гнетом двух систем — системы капиталистической эксплуатации и системы патриархата, т. е. подчинения мужчинам.

зируют, каким образом воспроизводятся социально организованные половые различия. Феминистские авторы утверждают, что гендерная система современных индустриальных обществ отличается устойчивым набором основных характеристик. К ним относятся: социально навязанное разделение полов, обязательная гетеросексуальность, разделение предписаний на женские и мужские, ограничение женских прав и жесткий социальный контроль женской сексуальности. Иногда такая гендерная система называется патриархатом, т. е. обществом мужского господства.

Дальнейшее развитие понятийного аппарата тендерных исследований связано с конструктивистской критикой структурного функционализма. Социологи стали обращать внимание на изучение повседневной жизни, взаимодействие людей в конкретных ситуациях и тех значений (смысловые миры), которые организуют их повседневность. Конструктивистский подход, опирающийся на работы А. Шюца, П. Бергера и Т. Лукмана, И. Гофмана, Г. Гарфинкеля, смещает акценты социальной теории на микроуровень и повседневные взаимодействия. Предметом изучения становится публичный порядок, или правила взаимодействия в общественных местах. Тендерные отношения рассматриваются как социально и культурно производимые в конкретных социальных ситуациях (см.: Здравомыслова, Темкина 2001). Рамки социального взаимодействия, в которых осуществляется производство и воспроизводство тендера, определяются как «тендерный уклад». На микроуровне «тендерный порядок» («gender order»), или «тендерный уклад», проявляется как публичный порядок социальных взаимодействий, организованных по формальным и неформальным правилам в соответствии с предписаниями по признаку пола.

Понятия «тендерный уклад» и «тендерный порядок» часто используются как взаимозаменяемые. На макроуровне «тендерный порядок» рассматривается как система неравенства и дифференциации, связанная с позициями разных групп мужчин и женщин в разных сферах — в экономике, политике и частной жизни. Итак, исследователи, пользующиеся термином «гендерная система», утверждают, что различия по признаку пола являются социально организованными и регулируются определенными правилами; существуют устойчивые, но подвергающиеся изменениям механизмы их воспроизводства.

Объединительная парадигма: концепция
хабитуса П. Бурдьё и теория структуризации
Э. Гидденса

Дальнейшая концептуализация тендерных отношений связана с применением объединительной методологии французского социолога П. Бурдьё и английского социолога Э. Гидденса к анализу проблематики тендерных отношений. Сочетание структурного и конструктивистского подходов позволяет понять взаимообусловленность структурных условий и социальных действий, предпринимаемых активными агентами. Исследователи обращаются к интерпретации индивида как стратегически действующего лица, к изучению того, «что люди делают, когда они конструируют социальные отношения, в которых живут» (Коннелл 2000: 275).

Французский социолог П. Бурдьё рассматривает социальную реальность как многомерное социальное пространство, которое можно представить в виде совокупности полей. Каждое поле организовано распределением определенного вида капитала или группы ресурсов. П. Бурдьё выделяет четыре вида капиталов: экономический, культурный, социальный и символический. Тип капитала определяет своеобразие поля. Так, исследователь выделяет поле экономического капитала, где основным ресурсом, определяющим позицию агента в поле, являются деньги; в поле культурного капитала позиция индивида обусловлена объемом знаний и навыков, т. е. уровнем культуры, выражающимся в дипломах и сертификатах, которые подтверждают его достижения. Для занятия позиции в поле социального капитала важны ресурсы социальных связей (знакомств и родственно-дружеских отношений), накопленных индивидом на протяжении жизненного пути. Символический капитал — это принцип символической организации любого поля. П. Бурдьё определяет его как легитимную (обеспечивающую признание) форму, которую принимает любой капитал. Распределение капиталов в поле образует объективные структуры, которые поддерживаются и изменяются действиями агента. Объективное положение (позиция) индивида или группы в социальном пространстве определяется совокупным объемом ресурсов, которые находятся в его распоряжении в разных социальных полях.

Социальная реальность имеет двойственный характер. С одной стороны, она описывается как распределение ресурсов (капиталов), социальных мест и институтов, которым соответствуют способы присвоения престижных материальных и идеальных благ. С другой стороны, социальная реальность мыслится как набор представлений, систем значений и практик агентов. Объективные представления выражают и поддерживают знание индивидов и групп о своей позиции в обществе. Такое знание своего положения в обществе П. Бурдьё называет чувством собственного места, или диспозицией. Чувство места необязательно бывает осознанным, тем не менее оно определяет жизненные стратегии индивидов и групп в социальном пространстве. Жизненные стратегии могут быть представлены как совокупность практик, осознанно или непреднамеренно приводящих к определенному результату.

Совокупность диспозиций индивидов и групп П. Бурдьё обозначает термином «хабитус»¹⁰. С одной стороны, хабитус является «слепок» объективных структур, порождающих и организующих практики, с другой стороны — источником импровизированных действий, приводящих к изменению социальной структуры. «Посредством хабитуса структура, продуктом которой он является, управляет практикой» (Бурдьё 1995: 20). Стратегии действующего агента воспроизводят общественный порядок и общественные структуры и изменяют их.

Ту же методологию разрабатывает английский социолог Э. Гидденс в рамках теории структуризации. Термин «структуризация» используется им для описания взаимообусловленности структурных условий и социальных действий. Действия индивидов и групп в обществе ограничены объективными или структурными условиями, однако эти же ограничения выступают как возможности осуществления действий. Социальные структуры Э. Гидденс описывает как ресурсы и правила взаимодействия в рамках социальных институтов. Ресурсы множественны и разнообразны; к ним относятся материальные и невещественные условия действия (знания, материальное обеспечение, социальные связи, управленческие возможности и

¹⁰ Хабитус — инкорпорированный класс, коллективная память, куммулятивное знание, накопленное в ходе жизненного пути индивида.

т. д.). В ходе своих действий социальные агенты пользуются ресурсами не всегда осознанно. Что касается правил, то они представляют собой некие формулы (законы), согласно которым осуществляются повседневные практики. Такие правила могут быть формализованными и неформальными. Формализованные правила представлены в законах, инструкциях и прочей официальной документации. Их выполнение строго контролируется. Нарушение формальных правил влечет за собой жесткие негативные санкции (наказание). Неформальные, или фоновые, правила регулируют все общественные сферы и складываются и осваиваются в повседневной жизни. Они являются само собой разумеющимися до тех пор, пока кто-нибудь их не нарушит. Следование неформальным правилам также контролируется обществом, но этот контроль носит менее очевидный характер. Правила и ресурсы лежат в основе осуществления практик, которые таким образом воспроизводят социальную структуру и социальные институты. Э. Гидденс подчеркивает активность действующего агента: будучи ограничен структурами, он одновременно воздействует на них, может видоизменить их или создавать новые (Гидденс 1995).

Одним из ключевых для объединительной парадигмы является понятие «стратегия». Под стратегией понимается совокупность практических действий активного агента, использующего различные ресурсы и следующего правилам взаимодействия, характерным для данного социального контекста. Важнейшей задачей социальных исследователей, таким образом, оказывается изучение индивидуальных и групповых стратегий, которые могут быть как осознанными, так и неосознаваемыми.

Объединительная парадигма в тендерных исследованиях

Применение объединительной парадигмы в тендерных исследованиях связано с вниманием к взаимообусловленности структур и практик, формирующих тендерный порядок в обществе. Институционально обусловленная ситуация взаимодействия всегда предполагает тендерное измерение, т. е. правила социально организованного различия полов — правила мужественности и женственности.

В рамках объединительного подхода австралийский исследователь Р. Коннелл вводит понятие «тендерная композиция», обозначающее совокупность повседневных практик и структурных условий, которые организуют различие полов и отношения между полами. Он отказывается от использования термина «тендерная система», настаивая на концептуализации подвижных и гибких элементов взаимодействия структур и практик. Тендерная композиция складывается как мозаика разнообразных стратегий в конкретных исторических контекстах социального взаимодействия (Connell 1987: 116—117).

На уровне общества в целом тендерная композиция может быть представлена как относительно устойчивый тендерный порядок, закрепленный в исторически заданных образцах властных отношений между мужчинами и женщинами и внутри групп, выделенных по признаку пола. Эти образцы фиксируются в социологическом дискурсе как гендерно маркированные социальные институты и практики. На уровне отдельных социальных институтов тендерный порядок проявляется в разнообразных тендерных режимах. В качестве примеров Р. Коннелл приводит тендерные режимы таких социальных институтов, как школа, семья, государство, подростковое сообщество, локализованные взаимодействия в рамках городского пространства и т. д.

При структурном анализе тендерного порядка/режима исследователи пользуются теми же категориями, что и при анализе общества в целом. Выделяются публичная и приватная сферы; в публичной сфере анализируются тендерные отношения в экономике, политике, идеологии и культуре; в приватной сфере предметом анализа становятся семейно-брачные, дружеские и сексуальные отношения. При этом в каждой из этих сфер тендерные отношения воспроизводятся и изменяются в результате взаимодействия структурных условий и практик, в них формируются и поддерживаются представления о мужественности и женственности, тендерные идеологии и дискурсы, коллективные действия, проблематизирующие и изменяющие тендерный порядок.

Р. Коннелл выделяет четыре структурных уровня обусловливания и проявления тендерного порядка: уровень социального разделения труда, структуру властных отношений, структуру катексиса (эмоциональных отношений) и символический

уровень. Структура социального разделения труда выражается в разделении труда по признаку пола в публичной и приватной сферах. В публичной сфере — это вертикальная и горизонтальная гендерная сегрегация занятости, распределение престижных и непрестижных рабочих мест, дискриминация при найме, профессиональной подготовке и продвижении по службе, различия в оплате труда. В приватной сфере — это организация домашней работы и заботы о детях, больных и престарелых. Существующее разделение труда становится социальным правилом, при котором работа закрепляется за определенными категориями мужчин и женщин.

Структура властных отношений включает контроль и принуждение, осуществляемые государственными и бизнес-иерархиями, институциональное и личное насилие, а также отношения господства и подчинения в семье, регулирование сексуальности. Физическая, интеллектуальная и финансовая власть функционирует как структура, создающая ограничения практик, посредством положительных и отрицательных санкций осуществляющая контроль над их «правильным» выполнением. Структура катексиса — это правила и ресурсы эмоциональных отношений. Эмоции управляются правилами, которые регулируют выбор объектов желания, гегемонию гетеросексуальности, сексуальные, дружеские, брачные и родительские отношения. Гендерная структура символического порядка проявляется в системе значений и репрезентаций мужественности и женственности.

Структуры разделения труда, власти, катексиса и символические репрезентации являются главными компонентами любого гендерного порядка и любого гендерного режима. Их совокупность создает институциональный каркас гендерной композиции.

Итак, «гендерная композиция», по мысли Р. Коннелла, может стать понятием, способствующим преодолению методологического разрыва между *структурным* и *практическим* уровнем концептуализации общества. Этот термин призван связать анализ институционально заданных условий социального действия и повседневных практик действующих лиц. Однако нам представляется, что термин «композиция», метафорически точно выражая суть подхода, имеет мало шансов прижиться в гендерной теории. Многие социологи, разделяющие подход

Коннелла, избегают использования этого термина и предлагают свои варианты обозначения. В разных текстах мы обнаруживаем смысловую близость между такими понятиями, как «гендерная композиция», «гендерный уклад» и «гендерный порядок».

Так, немецкая исследовательница Б. Пфау-Эффингер, проводя кросскультурные сравнения, использует понятие «гендерный уклад», определяя его как систему координат, созданную гендерной культурой (ценностями, идеями и идеалами), гендерной

системой (институтами), социальными практиками и коллективными действиями. Гендерный уклад изменяется в ходе конфликтного взаимодействия и переговоров социальных акторов. «Социальные практики и структуры гендера концептуализируются как результат сложного взаимодействия гендерной

культуры, институтов и социальных акторов» (Пфау-Эффингер 2000:27). Английская исследовательница С. Ашвин, вслед за Р. Коннеллом, использует категорию «гендерный порядок», обозначая им взаимообусловленность социальных институтов и гендерных идентичностей (Ашвин 2000). Отметим, что аналитический аппарат гендерной теории не является устоявшимся, исследователи продолжают поиск наиболее адекватных терминологических средств для описания поля гендерных отношений.

В рамках объединительной парадигмы претерпевает изменения концептуализация гендерной системы. Система гендерных отношений в настоящее время рассматривается большинством исследователей не только на макро-, но и на микроуровне, не только на уровне структур, но и на уровне практик. Таким образом, гендерная система понимается как многоуровневый феномен, включающий символы-репрезентации мужественности и женственности; нормативные концепции (религиозные, правовые, образовательные, научные), которые создают интерпретации значений символов; социальные институты и организации, регулирующие поведение; субъективную идентичность. Посредством этих социальных механизмов мужчины и женщины разделяются на две социальные категории, обозначающие асимметричные отношения (Скотт 2000). Согласно определению К. Рензетти и Д. Курран, гендерная система представляет собой институционализированные предписания, определяющие модели поведения и социально-

го взаимодействия в зависимости от пола. Она включает три взаимосвязанных компонента: социальную конструкцию гендерных категорий на основе биологического пола; половое разделение труда, в соответствии с которым мужчинам и женщинам предписываются разные роли; социальную регуляцию сексуальности, позитивно оценивающую одни формы сексуального поведения и негативно — другие (см.: Темкина, Роткирх 2002).

Для описания тендерной системы скандинавские феминистки используют термин «тендерный контракт», привлекая внимание к социальной политике государства 1960—1970-х годов, при которой тендерные роли и репрезентации переопределялись под воздействием общественных движений и публичных дебатов. Так, шведская исследовательница И. Хирдман характеризует тендерную систему как совокупность *гендерных контрактов*, регулирующих отношения между мужчинами и женщинами на уровне представлений, а также на уровне формальных и неформальных правил (Hirdman 1991). Тендерные контракты представляют собой доминирующие в обществе типы гендерных практик и репрезентаций. Финская исследовательница Л. Ранталайхо рассматривает контракт как правила взаимодействия, как права и обязанности, определяющие разделение труда по признаку пола в сферах производства и воспроизводства и взаимно ответственные отношения между женщинами и мужчинами, в том числе принадлежащими к разным поколениям (Rantalaiho 1994).

Термин «тендерный контракт» проблематизирован феминистскими критиками политической теории общественного договора. Как указывает К. Пэйтман, современное (западное) гражданское общество, конституируемое общественным договором, является патриархальным. Этот договор закрепляет принципы *мужского братства*, или мужского порядка, в котором все граждане (т. е. мужчины) получают равные права, преодолев патриархальную субординацию между *отцом и сыном* (Pateman 1988). При этом правила либерального общественного договора сохраняют другой аспект патриархальных отношений, а именно воспроизводят вторичный статус женщин. Традиционные отношения в браке, распределение обязанностей в семье, разделение труда в публичной и приватной сферах предстают как добровольный общественный контракт рав-

ноправных агентов. Однако имплицитно этот общественный договор всегда основывается на системе тендерной иерархии, подкрепленной идеологией *естественного предназначения полов*. Отношения между полами регулируются *ad hoc*, т. е. выстраиваются на основании традиционных эссенциалистских взглядов. Вследствие того что в теориях общественного договора подчиненный статус женщин не ставился под сомнение, феминистские исследователи, использующие термин «тендерный контракт», обращают свое внимание в первую очередь на положение женщин в обществе, тем самым озвучивая ранее умалчиваемое.